

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВИЧ ПОТЕБНЯ

(1835 - 1891)

Н.А.Мещерский (г.Ленинград)

Александр Афанасьевич Потебня, замечательный русский и украинский лингвист, литературовед и этнограф, родился 22 сентября 1835 г. в селе Гавриловка Роменского уезда Полтавской губернии в семье мелкопоместных украинских дворян. О демократических и о революционных тенденциях, господствовавших в этой семье, свидетельствует, наряду с другими, и то, что младший брат филолога, Андрей Афанасьевич, принимал активное участие в революционном движении шестидесятных годов, поддерживал связи с А.И. Герценом и Н.П. Огаревым, встал во главе одного из вооруженных отрядов польских повстанцев и в 1863 г. погиб в бою с царскими войсками.

Сам Александр Афанасьевич получил среднее образование в гимназии в городе Радоме на польском языке. По окончании гимназии он поступил в 1850 г. на юридический факультет Харьковского университета, откуда через два года перешел на историко-филологический факультет. Окончив в 1856 г. Харьковский университет с ученой степенью кандидата, А.А. Потебня начинает педагогическую работу в 1-ой Харьковской гимназии. По совету одного из своих университетских учителей, профессора П.А.Лавровского, видного историка русского языка и ученика акад.

И.И.Срезневского, Потебня готовится к магистерскому экзамену по славянской филологии. В 1861 г. происходит успешная защита его магистерской диссертации на тему "О некоторых символах в славянской народной поэзии". Молодой магистр получает назначение на должность адъюнкта в своем родном Харьковском университете, где работает затем до самой своей смерти в течение тридцати лет.

В следующем 1862 г. в петербургском "Журнале министерства народного просвещения" публикуется большая основополагающая работа А.А.Потебни "Мысль и язык", посвященная раскрытию важнейших проблем философии языка. В том же году А.А.Потебня получает двухгодичную командировку от министерства народного просвещения за границу, в славянские страны, находившиеся в то время под властью Пруссии и Австрии. Он слушает лекции по санскритской филологии в Берлинском университете, затем посещает славянские области Австрии, однако проводит за рубежом всего один год. "Не выдержав", он "самовольно", как впоследствии признавался, возвратился в Харьков на преподавательскую работу в качестве доцента университета. Возможно, что одной из причин его досрочного возвращения из путешествия послужила трагическая гибель его брата.

В 1874 г. А.А.Потебня защищает в Харьковском университете докторскую диссертацию "Из записок по русской грамматике" (ч. I - II) и получает ученую степень доктора славянской филологии. Известность его как ученого продолжает неуклонно рас-

ти, и его имя узнают в эти годы не только по всей ученой России, но и за границей.

В 1875 г. А.А.Потебня был утвержден экстраординарным, а вскоре и ординарным профессором Харьковского университета. В 1877 г. на основании обширного благожелательного отзыва, данного акад. И.И.Срезневским, высоко оценившим его труды, их автору была присуждена Ломоносовская премия Академии наук. Тогда же он был избран её членом-корреспондентом и действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете.

В 1878 г. приносит А.А.Потебне новую научную награду: он получает Уваровскую золотую медаль, присужденную ему Академией наук за разбор книги П.Житецкого "Обзор звуковой истории малорусского наречия".

В следующем 1879 г. Академия наук вновь присуждает А.А.Потебне золотую медаль, на этот раз за разбор книги Л.Ф.Гловацкого "Народные песни Галицкой и Угорской Руси". Работы А.А.Потебни получают заслуженное признание и в зарубежных странах: в 1887 г. Чешское общество наук в Праге избирает его своим членом.

Русское Географическое общество в 1891 г. награждает А.А.Потебню за его многолетние труды и заслуги перед наукой своей высшей наградой - золотой Константиновской медалью.

В течение 1870-х - 1890-х гг. выходят наиболее значительные научные труды А.А.Потебни: "Из истории звуков русского язы-

ка" (4 части, 1873 - 1883 гг.); "Слово о полку Игореве" (текст и примечания, 1878 г.); "Объяснение малорусских и сродных народных песен" (2 тома, 1883 и 1887 гг.); "Значение множественного числа в русском языке" (1887-1888); "Этимологические заметки" (1891 г.) и другие. Многие его работы публиковались посмертно: "Из записок по русской грамматике", часть III (1899 г.), часть IV (1941 г.); "Язык и народность" (1895 г.); "Из лекций по теории словесности" (1894 г.): "Из записок по теории словесности" (1905 г.).

Вся научная, учебно-педагогическая и общественная деятельность А.А.Потебни протекала в Харьковском университете, где он читал лекции почти до дня смерти. В течение 12 лет, с 1877 по 1890 гг., он был председателем состоявшего при Харьковском университете Историко-филологического общества. Благодаря Потебне этот прежде захудалый провинциальный университет стал одним из виднейших научных центров. К Потебне приезжали для усовершенствования в науках молодые филологи-слависты с различных концов России. Среди таких исследователей можно назвать Б.М.Ляпунова, впоследствии академика, финского слависта Иосифа Миккола, балтиста Э.А.Вольтера; у Потебни в Харькове защищали свои магистерские диссертации такие видные ученые, как А.И.Соболевский, впоследствии профессор Петербургского университета и академик М.А.Колосов, затем ставший профессором Варшавского университета и другие.

Связав свою жизнь с Харьковом, А.А.Потебня создал здесь

собственную научную школу. Виднейшим его учеником был Д.Н.Овсяно-Куликовский, наследовавший кафедру своего учителя в Харьковском университете и популяризовавший его идеи, впоследствии он был избран почетным академиком и стал широко известен благодаря своим трудам по русскому синтаксису, по санскритологии и критическим статьям по русской классической литературе. Среди непосредственных учеников А.А.Потебни должен быть назван и чрезвычайно талантливый, но, к сожалению, рано умерший А.В. Попов.

Скончался А.А.Потебня в возрасте всего лишь 56 лет 11 декабря 1891 г. Отечественная филологическая наука потеряла в его лице "одного из даровитейших и прекраснейших русских людей", как отметил в своем некрологе выдающийся ученый-славист, академик В.И.Ламанский.

Судьба научного наследия А.А.Потебни своеобразна. Написано им было не очень много. Список его трудов насчитывает немногим более 30 номеров. Но эти труды, среди которых ряд многотомных, — что вообще не столь часто случается с научными работами по языкознанию и филологии вообще, неоднократно переиздаются после смерти их автора, в том числе и в наше время.

Наследие Потебни пережило века. Потебню не просто упоминают по поводу тех или иных юбилейных дат в чисто историческом плане. Его трудами дорожат как нужными для нашей современности. Его ценят и как ученого-филолога, и как языковеда-мыслителя по преимуществу. Характерно, что авторитет А.А.Потебни как исследо-

вателя неизменно оставался общепринятым во все периоды развития советской науки о языке, при всех сменах научных направлений.

А.А.Потебня во многом способствовал развитию родного для него украинского языка, как языка литературного. Свои лекции он был вынужден читать в условиях самодержавной России лишь на русском языке, по-русски же издавались и все его научные исследования. Однако А.А.Потебня был глубоко убежден в том, что каждый народ имеет право на развитие своего родного языка в качестве национального и литературного. Желая делом опровергнуть измышления, распространявшиеся в его время великодержавными шовинистами о том, что якобы украинский язык способен лишь для изображения жизни и быта "малороссийских поселян", А.А. Потебня, будучи не только языковедом-мыслителем, но и незаурядным поэтом, осуществил первый стихотворный перевод на украинский язык Гомеровской "Одиссеи".

Нельзя умолчать и о необыкновенной силе мастерства Потебни как стилиста в его трудах, написанных на русском языке. Он смело вводил в стиль научного изложения просторечные слова и формы, до того не употреблявшиеся в языковедческих исследованиях. Этим он, наряду с глубиной теоретических обобщений, во многом способствовал распространению выдвинутых им лингвистических положений. Приведем один характерный пример из его "Записок по русской грамматике": "Изучать язык - значит различать сходные явления, а не сволакивать их в одну кучу".^I

^IИз записок по русской грамматике", т. IV, 1941, стр. 189.

И в стилистическом отношении нашим современникам есть чему поучиться у А.А. Потебни.

Прежде всего остановимся на некоторых главных общелингвистических концепциях А.А. Потебни. Проблемы этого рода рассматриваются преимущественно в его книге "Мысль и язык", однако отдельные высказывания встречаются и в других его трудах.

Обычно А.А. Потебню признают последователем немецкого языковеда Штенталя, одного из основоположников психологического направления в науке о языке. Однако А.А. Потебня следует за взглядами Штейнталя лишь частично, сохраняя во всем свою самостоятельность и примыкая по многим вопросам к точкам зрения, высказанным в свое время Вильгельмом Гумбольдтом. Так, в согласии с названным ученым, А.А. Потебня признавал язык не творением, но творческой силой. "Язык не *Ergebnis*, а *Erzeugnis*" (В. Гумбольдт).

По мнению А.А. Потебни, "язык не есть средство выражать уже готовую мысль, а создавать её... Он не отражает сложившегося мирозерцания, а слагающая его (мирозерцание) деятельность." ¹ В языке А.А. Потебня видел по преимуществу творческий акт. Создатель языка, по его мнению, народ. Потебня писал: "Язык, вероятно, навсегда останется первообразом и подобием.... гуртового характера народно-поэтического творчества". ²

¹"Мысль и язык", изд. 4-ое, 1922, стр. 29.

²"Из записок по теории словесности", Харьков, 1905, стр. 144.

В концепции А.А. Потебни понятие языка охватывало не только области устно-бытовой и письменной речи с их диалектами и стилистическими ответвлениями, но и целиком сферы поэзии и науки. Для Потебни, чье мировоззрение было во многом основано на развитии немецкой классической философии XVIII-XIX вв., - язык - это средство не только и не столько выражать уже готовую истину, сколько открывать ранее неизвестное. Человек окружает себя миром звуков для того, - учил Потебня, - чтобы воспринять и переработать весь мир предметов. И в данном отношении Потебня не расходится с В. Гумбольдтом. Вполне разделяя эту точку зрения, Потебня признавал, что "язык мыслим только как средство (или точнее система средств), видоизменяющее создание мысли; его невозможно было бы понять, как выражение готовой мысли".^I

Поэтому для Потебни центральным вопросом науки о языке становится вопрос об изменениях мышления в свете изучения явлений языка, о неразрывной связи языка и мышления в их развитии.

А.А.Потебня всегда стремился к раскрытию общих закономерностей, связывающих процесс образования и эволюции человеческой речи с образованием и эволюцией мышления.

А.А. Потебня всегда признавал народ, нацию как историческую категорию в организации человеческих коллективов и поэтому придавал особо важное значение изучению народного языкового творчества.Потебня с сочувствием повторял слова В.Гумбольдта:

I. Там же, стр. 27

"Существование языков доказывает, что есть духовные создания, вовсе не переходящие от одного лица ко всем прочим, а возникающие из одновременной самостоятельности всех. Языки, всегда имеющие национальную форму, могут быть только непосредственным созданием народов".¹

Потебня не принадлежал к числу лингвистов-социологов, однако он всегда признавал, что "язык развивается только в обществе, и человек понимает себя, только испытывая на других понятность своих слов".² Таким образом, по взглядам Потебни, творческая индивидуальность и творящий народ — вот те две основные сферы, в которых должны изучаться формы словесного творчества.

Основным двигателем мысли и речи для Потебни всегда оставался именно народ, а не отдельная творческая индивидуальность. Индивидуализм Потебни был глубоко демократичен, а единичная личность в сфере словесного творчества рассматривалась этим ученым лишь как выражение "народного духа".

Даже в истории письменно-литературного языка Потебня всегда ограничивал роль творчества отдельных писателей, выступавших в качестве реформаторов языка, выдвигая на передний план роль коллективного народного творчества.

Два центральных пункта лингвистического мировоззрения

1. "Мысль и язык", стр. 30. Ср: W. Humboldt. Ges. Werke, B. IV, S. 333.

2. "Из записок по русской грамматике", III, 1899, стр. 8

Потебни – это, во-первых, понимание им языка как основного способа мышления и сознания, как творческой деятельности, организующей мысль, и, во-вторых, признание народа главным творцом и реформатором языка, – обязывали ученого к решению сложных задач, поставленных эпохой перед филологическим научным исследованием.

И эти две нелегкие задачи были разрешены Потебней в основном правильно.

Обосновав свое новое понимание языка как коллективного творчества, Потебня связал с теорией языкознания и теорию художественного словесного творчества, и вопросы общей теории познания. По отношению к русскому языку это положение Потебни означало расширение его границ до такой степени, что в задачу изучения истории русского языка для Потебни оказалось возможным включить и историю русского поэтического и научного творчества. Отсюда вытекает особо пристальное внимание Потебни к теории словесности как основе теории не только словесного искусства, но также и науки. Признание народа главным творцом речи-мысли, подлинным "поэтом" в сфере создания языка, заставило Потебню обратиться к глубокому детальному исследованию русского устно-поэтического творчества и народной мифологии. И Потебне удалось раскрыть многие закономерности, связанные с развитием образов и символов русской и украинской народной поэзии.

Потебней были заложены прочные основы изучения истории

русского языка как истории словесного искусства русского народа в его целом. В указанном направлении Потебней была продолжена линия, намеченная еще его предшественниками, русскими филологами XVIII – начала XIX вв., начиная с Ломоносова. Эту же линию в исследовании русского языка продолжали после Потебни его ученики и научные последователи, главным образом А.И.Соболевский и А.А.Шахматов. Потебня может быть смело признан одним из первых основоположников русской исторической диалектологии, что было вызвано пристальным вниманием к исследованию живой звучащей народной речи и устного речевого творчества народа. Однако это здание исторической диалектологии восточнославянских языков, заложенное в трудах Потебни, и в наши дни, к сожалению, еще не может считаться полностью достроенным.

Рассматривая постепенную эволюцию человеческого мышления в свете развития языка, Потебня широко привлекал для иллюстрации раскрываемых им теоретических положений примеры из истории значений слов, из истории поэтических образов, развивавшихся на почве русского языка. Так, на основании многих тонко проанализированных примеров Потебня доказал, что в истории русского языка понятие собирательности развивается из категории качественности: беднота, человечество, счастье и т.д. Потебня развивает тезис о вырастании категории качества (имени прилагательного) из категории субстанции (имени существительного). Он стремится установить общие принципы переходов значений от

предметного восприятия мира к постепенному восприятию качественных определений, оттенков и различий их в отдельных конкретных предметах.

Потебня указывал, что для превращения существительного, получившего уже свою качественную окраску, в прилагательное — необходимо стремление к устранению двойственности субстанций в структуре предложений. Согласно учению Потебни, именно предложение должно быть признано основной ячейкой языка, в которой происходят семантические сдвиги и тем самым формируются смысловые и грамматические категории языка и мышления. Ход семантических изменений представляется Потебне в таком виде: наше предложение — трава зелена — приводится к более первоначальному виду — трава — зелень — а это, в свою очередь, к еще более простому — трава — зель (более древняя форма существительного "зелень"). Таким образом, наиболее первоначальным должен быть признан такой состав предложения, при котором в нем оказываются лишь два существительных, взаимно противопоставляемых друг другу, из которых второе мыслилось как определяющее. Потебня полагал, что "оснований для присоединения определяющего существительного к определяемому может быть столько, сколько в нем мыслится признаков".^I Например, в словосочетании "вода-малина" основанием для сближения могли бы служить: цвет ягоды, вкус ягоды, изготовление напитка из ягод, близость к воде кустов малины (как, например, у Тургенева "Малиновая вода"). Для превращения существительного "зелень" или "малина" в при-

^I. "Из записок по русской грамматике", Ш, стр. 80-83.

лагательное Потебня признавал необходимым ослабление в них значения предметности, что мыслится параллельно с усилением в них же значения признака, качества. Иначе говоря, происходит постепенное внедрение существительного "зелень" в существительное "трава" или существительное "малина" в существительное "вода", следовательно, столь же постепенное устранение первоначально заложенной в предложении двойственности субстанций суждения. Ср. последовательный ход мысли "вода - свет" - "как свет, вода светла". Таким образом, в системе Потебни органически оближаются проблемы исторической семантики с проблемами развития грамматического строя языков. Нет ничего в грамматике, чего не было бы в лексике и в семантике, - таково одно из основных теоретических положений, защищаемых Потебней. В этом "синтаксическом", по выражению Потебни, подходе к явлениям языка заключалось главное положительное значение всех лингвистических трудов ученого. В этом состоит и ценность их для последующего времени.

Потебня придавал особую глубину и содержательность проблемам исторической семантики при изучении русского языка. Никто из исследователей до него не мог подняться до столь существенных теоретических обобщений в этой научной области.

Главным центром лингвистических исследований и построений Потебни всегда оставалась грамматика в ее семантическом аспекте. Он стремился к воссозданию эволюции мышления в свете исторического развития языка и поэтому должен был сосредото-

точить свое основное внимание на проблеме образования грамматических категорий как основных категорий мысли (универсалий).

Вслед за Гумбольдтом Потебня утверждает, что никакая работа в развитии мышления невозможна без участия языка. Человеческая мысль всегда стремится к обобщению чувственной данности и удовлетворяет эту врожденную потребность познания и понимания действительности не только в искусстве или в науке, но и в развитии тех функций речи-мысли, которые получают наименование грамматических категорий. Такому направлению грамматических исследований Потебня способствовало все развитие классической философии XVIII-XIX вв. Программа лингвистических исследований была раскрыта Потебней еще в первой его работе "Мысль и язык". "Слово в начале развития мысли, - писал тогда Потебня, - не имеет еще для мысли значения качества и может быть только указанием на чувственный образ, в котором нет ни действия, ни качества, ни предмета, взятых отдельно (т.е. ни глаголов, ни прилагательных, ни существительных - Н.М.), но все это в нераздельном единстве... Образование глагола, имени и пр. есть уже такое разложение и видоизменение чувственного образа, которое предполагает другие, более простые явления, следующие за созданием слова. Так, например, части речи возможны только в предложении, в сочетании слов, которого не предполагаем в начале языка; существование прилагательного и глагола возможно только после того,

как сознание отделит от более или менее случайных атрибутов то неизменное зерно вещи, ту сущность, субстанцию, то нечто, которое человек думает видеть за сочетанием признаков и которое не дается этим сочетанием",¹ В центре историко-грамматических исследований для Потебни стояла проблема образования, исторических изменений и функционирования грамматических категорий, прежде всего основных из них, обнимаемых понятие "частей речи". Но поскольку эти последние функционируют и изменяются лишь в составе предложений, являющихся основным синтетическим актом мысли-речи, постольку для Потебни история грамматических категорий никогда не должна отрываться от истории создания и развития типов предложения. Эволюция предложений и эволюция грамматических категорий взаимно обусловлены: это две стороны одного и того же процесса постепенного развития человеческой мысли-речи. Предложение — основная ячейка, микрокосм мысли вообще. Для Потебни, каково строение предложения, таково же и построение мысли. Отсюда перед исследователем, по взглядам Потебни, встает главная задача: установить эволюцию главных типов предложения, определить главные этапы в постепенном развитии синтаксического строя языка. Потебней самым эта задача была решена в ее наиболее существенных чертах. Он не только ставил новые для своего

¹ "Мысль и язык", стр. 120-121.

времени задачи перед языкознанием, но и указывал на новые пути для их решения, давал образцы глубокого их исследования.

Развивая идею о постепенном развитии категории глагольности в языке, о вытеснении категории субстанции категорией процесса, действия, силы, энергии, Потебня высказывал гипотезу о возникновении и развитии безличных предложений. Вытеснив существительное с позиций независимого сказуемого, глагол стремится и далее ограничить роль существительного как подлежащего. Возникают предложения, лишенные подлежащего (или, по Потебне, с устранением подлежащего), например, обороты "как рукой сняло", "на душе скребет", "меня так и тянет, подмывает" и т.п. Мысль от этого не утрачивает своей ясности. Поэтому, с точки зрения Потебни, безличным оборотам предстоит в дальнейшем развитии языка все увеличиваться в своем числе и значительности.

Второй пример подобного рода явлений. Потебня обращает внимание на то, что в русском языке, как и в других славянских, а также, как и в латинском, немецком и др., "гипотетические наклонения" (условное, желательное, сослагательное) своей формой указывают на связь с формами прошедшего времени изъявительного наклонения: пошел бы, хотел бы, имел бы... Опираясь на "Сравнительную грамматику" Франца Боппа, Потебня тщательно обосновывает через анализ истории гипотетических наклонений такой языковой факт: основание для перехода

прошедшего времени изъявительного наклонения к значению условности (и к значению всех гипотетических наклонений вообще — Н.М.) — состоит в том, что как эти последние наклонения рассматривают события существующими только в мысли человека, так и прошедшее время "может рассматриваться со своей негативной стороны, как отрицание действительного присутствия (наличности) явлений".^I

Таким образом, в трудах Потебни мы видим необыкновенное богатство грамматических наблюдений и обобщений, которые могут быть с пользой для дела применены и современными исследователями грамматики. Несмотря на отдельные идеалистические исходные пункты лингво-философских концепций Потебни, в целом и по существу своему для нас неприемлемые, мы, диалектики-материалисты, ценим в его общелингвистических исследованиях труд и воззрения последовательного мыслителя-диалекта, всегда умевшего подниматься от тонких языковедческих наблюдений над фактами и материей языка до глубоких принципиальных обобщений, опиравшихся на его тонкое умение вскрывать динамику и основные тенденции языкового развития в отдаленные эпохи истории человечества.

Аналитический ум точного исследователя всех деталей сочетался в Потебне со способностями синтетически охватить также всю совокупность наблюдаемых языковых явлений и процессов.

^I. "Из записок по русской грамматике", т. I-III, 1958, стр. 268.

И хотя Потебня естественно не мог стать представителем диалектического и исторического материализма в своих лингвистических исследованиях, мы не можем не отдать должного его изыскательной глубине и проницательности, внося в его общелингвистические концепции те необходимые коррективы, которые вытекают из позиций, занимаемых диалектико-материалистическим языкознанием.

Учение Потебни о слове и предложении неразрывно связано с его общезыковедческими проблемами, с его принципиальными взглядами на язык, на речь, на слово. Ведь язык, с точки зрения Потебни, — это непрерывный поток активного словесного творчества, вмещенный в коллективный опыт всего народа, в коллективный — и для Потебни — прежде всего — в широкий национальный контекст. В рамках этого русла коллективного словесного творчества язык непрерывно изменяется, движется, но сохраняет свою целостность, свое единство в формах выражения мысли. Все в языке взаимосвязано, взаимообусловлено, и вместе с тем в языке всегда все оформлено. Контекст языкового целого служит общим фоном для любого частного осуществления человеческой речи.

По взглядам Потебни, речь может быть понята как синоним к термину "высказывание", введенному в употребление позднее. "В действительности есть только речь, — признавал Потебня, — значение слова возможно только в речи. Выванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни тем более формальных свойств, потому что их не имеет." ^I

^I. "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 42.

Потебня писал: "Если не захотим придать слову "речь" слишком широкого значения, то должны будем сказать, что и речи в значении известной совокупности предложений, недостаточно для понимания входящего в нее слова".¹ Лишь контекст в его целом может служить подлинным контекстом для понимания каждого отдельного слова, только такой широкий контекст способен определять и решать все. В этом мнении Потебни мы находим зерно впоследствии сложившегося учения о системности языковых структур на всех ее уровнях.

Для Потебни "настоящее живое слово"² может рассматриваться лишь как составной элемент речи, в которой оно реализуется. В отрыве от контекста речи – слово только мертвый искусственный препарат.

Будучи выхваченным из живой ткани разнообразных высказываний, словарное слово, по мнению Потебни, – "экстракт, сделанный из нескольких различных форм".³ Потебня всегда считал, что "действительная жизнь слова... совершается в речи... Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не несколькими то есть каждый раз произносится, или понимается, имеет не более одного значения."⁴ Многозначных слов, с точки зрения

1. "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 44.

2. Там же, стр. 42.

3. Там же, стр. 44.

4. Там же, стр. 15.

Потебни, нет и не может быть. "На деле есть только однозвучность различных слов, - полагал он, - то есть то свойство, что различные слова могут иметь одни и те же звуки".^I Язык, согласно взглядам Потебни, буквально кишит омонимами. В сущности, каждое новое употребление слова, по учению Потебни, равносильно созданию нового слова.

Такое отношение Потебни к отдельному слову может быть нами расценено как субъективно-идеалистическое, не учитывающее единства частного и общего. Такое отношение к слову закрывало перед Потебней, видевшем в слове лишь индивидуально-творимый акт духовного творчества - социальную сущность слова, общность лексемы как средства речевой коммуникации между членами языкового коллектива, языкового средства, отражающего объективную действительность и одновременно с этим воспринимаемое всем человеческим коллективом. Таким образом, неправильное психологистическое и вместе с тем генетическое понимание творческого языкового процесса приводило Потебню к ошибочному истолкованию различных значений одного и того же слова как последовательного ряда возникающих друг из друга и опирающихся друг на друга мыслительно речевых актов, будто бы каждый раз приводящих к созданию нового слова.

Потебня писал: " Предыдущее значение есть для нас значе-

I. "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 15-16.

ние не того слова, которое рассматриваем, а другого. Каждое значение слова есть собственное и в то же время каждое, в пределах нашего наблюдения, производное, хотя бы то, из которого произведено, и было нам неизвестно." I

Главным предметом внимания Потебни как ученого всегда служило слово как творческий акт речи и познания, а не как коммуникативная единица языка. Поэтому для Потебни слово представляется состоящим из трех компонентов: звука (или комплекса звуков), знака, или представления ("внутренней формы" слова), и значения. Каждый знак всегда покоится, с точки зрения Потебни, на значении ранее усвоенного слова. Громадное значение Потебня придавал психологической апперцепции. Так, например, в слове "арбузик", которым ребенок назвал "абажур", им был уловлен признак шаровидности, извлеченный им из значения слова "арбуз" и образовавший для данного случая "знак" значения этого слова". 2 Таким образом, все три структурных компонента - комплекс звуков, знак, или представление, (знак шаровидности, общий для арбуза и для абажура) и предметное значение (абажур) - могут быть усмотрены в окказионально употребленном слове "арбузик". "Знак в слове, - считал Потебня, - (или представление) есть необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующей

I. "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 19

2. Там же, стр. 17.

щего образа или понятия".¹

Для Потебни представление – "непременная стихия возникающего слова; но для дальнейшей жизни слова оно не необходимо".²

Лишь образное поэтическое слово способно к сохранению всех своих образующих его составных элементов. Поэтическое слово всегда одновременно реалистично и символистично. Ибо "в слове, как представлении единства и общности образа, как замене случайных и изменчивых сочетаний, составляющих образ, постоянным представлением... человек приходит к знанию действительного предмета".³

И всюду, где такое слово синтетически, хотя и нерасчлененно (с точки зрения научного познания) отражает действительность, – всюду разлита поэзия, – так утверждал Потебня.

Согласно взглядам Потебни, поэзия, как и наука, – это прежде всего явление языка. Язык поэзии – это язык, сохраняющий живые представления о предмете. "Элементом слова с живым представлением соответствуют элементы поэтического произведения, ибо такое слово и само по себе есть уже поэтическое произведение"⁴; – считал Потебня.

Однако познавательная способность человека не может быть

1. "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 18.

2. Там же, стр. 19.

3. "Мысль и язык", стр. 124.

4. "Из записок по теории словесности", 1905, стр. 30

удовлетворена полностью на пути лишь художественного, поэтического познания. И тут на помощь человеку приходит наука. Потебня признавал, что наука есть процесс объективирования искусства. Поэтому язык науки должен рассматриваться как высшая ступень прозаического языка, как язык, оперирующий значениями, возведенными на ступень понятий. К синтезам, добытых художественно, наука подступает без помощи образов "представлений". Потебня писал: "Прозаичны — слово, означающее нечто непосредственно, и речь, в целом не дающая образа, хотя бы отдельные слова и выражения, в нее входящие, были образны."¹

Таким образом, в соответствии с воззрениями Потебни, прозаическое слово непосредственно сочетает звуковой комплекс со значением. Отсюда можно сделать вывод о том, что развитие понятий из чувственного образа, утрата поэтичности слова и стремление сделать слово лишь знаком мысли — это явления, взаимно обусловленные. Потебня думал, что наука невозможна без понятия, которое предполагает представление. Но он полагал также, что проза без поэзии существовать не может и что она постоянно возникает из поэзии. Итак, хотя в понимании научного мышления у Потебни и ощущается некоторый налет агностицизма, в целом его взгляды могут быть признаны приемлемыми, в них нет возможности усматривать нарочитого противопоставления диалектическому материализму. В особенности ценными кажутся нам вы-

¹. "Из записок по теории словесности", 1905, стр. 102.

сказывания Потебни для развития науки о языке художественной литературы, для стилистики как языковедческой, так и литературоведческой.

Описанием поэтического и прозаического слова для Потебни не исчерпывается его (слова) смысловая структура. При этом остается нераскрытым его формальное, грамматическое значение. Слово в большинстве языков мира включается в строгую систему грамматических категорий, основных грамматических понятий, определяющих собой строй данного языка. Потебня полагал, что говорить на формальном языке — значит формализовать свою мысль, распределяя ее по известным отделам. В таком языке, как русский, каждое слово непременно носит на себе печать строго определенной грамматической категории. По мнению Потебни, как вещественные значения, так и грамматические формы должны быть рассматриваемы как средства и вместе с тем как акт познания.

Итак, Потебня признавал, что грамматическое функционирование слова в речи определяется системой изменчивых и подвижных грамматических категорий, отражающих вложенную в самом языке, "классификацию образов и понятий". В отличие от категорий логических, для Потебни грамматические категории неразрывно связаны с вещественным содержанием слова в данном языке. Грамматические категории изменчивы. Потебня писал: "Нет ни одной неподвижной грамматической категории... даже в относительно небольшие периоды эти категории заметно меняются".^I

^I "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 37.

Грамматические категории, с точки зрения Потебни, возникают, развиваются и изменяются только в предложении. Единство и цельность речи — основываются на строении предложения. Исток предложения, по мнению Потебни, — это первообразное нерасчлененное слово-предложение. Такое нерасчлененное слово-предложение охватывало собою первоначально всю речь, оно явилось универсальной, но еще не оформленной единицей языка, еще не выработавшего в своем развитии. Это было, по определению Потебни, — в сущности еще не предложение, а лишь психологическое (не логическое) суждение посредством слова (при помощи слова). Между тем даже самые "простейшие предложения наших языков заключают уже в себе грамматическую форму, оно (предложение) появляется в языке вместе с ней". Грамматические формы и категории не только возникают и изменяются в составе предложения, но они организуют и изменяют само предложение, "подобно тому, как неизбежно форма устойчивой кучи зависит от формы вещей (например, кирпичей, ядер), из коих она слагается." ¹

Потебня отказывался от исчерпывающего определения предложения, годного для всех языков и для всех периодов их развития; он заявлял, что, строго говоря, история языка на значительном протяжении времени должна давать целый ряд определений для понятия предложения. По убеждениям Потебни, можно установить две ступени в развитии предложения: древняя и современная. Совре-

¹ "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 83.

менному типу предложения соответствует преобладание в нем глагольного элемента. Этому предшествовал более древний тип предложения с преобладанием именного строя. Самый рост глагольности был, по Потебне, связан с увеличением связи и единства между частями предложения. Степень гегемонии глагола в предложении сменяет ступень именного предложения, в котором ведущая роль принадлежала существительному. "По типу обороты - я не ездук - жалоба моя - древнее, чем - не езжу, жалуясь. Именной характер предложения увеличивается по направлению к древности. Вместе с тем увеличивается и конкретность языка",¹ - писал Потебня. Эта его гипотеза подтвердилась позднейшими исследованиями, в которых рассматривалась синтаксическая типология языков.

Для Потебни в грамматической сфере решающим являлся синтаксис. Ученый считал, что все грамматические категории могут быть постигнуты только через синтаксис. Само понятие синтаксиса у Потебни перерастает в понятие общего смыслового контекста языка, всей языковой структуры в целом.

Синтаксис в широком значении этого термина представляется для Потебни главной опорой изучения всякой истории языка. Понятия грамматической формы слова и грамматической категории выступают поэтому у Потебни на семантическом и на синтаксическом фоне, освещенном образами речи и предложения: грамматичес-

¹ См.: "Из записок по русской грамматике", т. III, стр. 354.

кая форма в системе Потебни – это понятие синтаксическое по преимуществу. Поэтому грамматические значения, с точки зрения Потебни, могут проявляться не только через так называемые "формальные принадлежности" слова, но и через его синтаксические связи, через его семантические функции и речи, иногда даже через место соответствующего разряда слов в общей структуре языка. "Нет формы, – считал Потебня, – присутствие и функции узнавались бы иначе, как по смыслу, то есть по связи с другими словами и формами в речи и в языке".¹ Потебня писал: "Если при сохранении грамматической категории звук, бывший ее поддержкою, тернется, то это значит... что мысль не нуждается больше в этой внешней опоре, что она довольно сильна и без нее, что она пользуется для распознавания формы другим более тонким средством, именно знанием места, которое занимает слово в целом, будет ли это речью или схемой форм".² В таком языке, как русский, для Потебни нет слов, грамматически не оформленных, то есть не подводимых под какую бы то ни было грамматическую категорию. Поэтому грамматическую форму слова, с точки зрения Потебни, никогда нельзя отождествлять "со звуком", то есть с его аффиксами. Оно (грамматическое значение) может выражаться и через отсутствие аффикса. Таким образом, понятие нулевой морфемы было впервые и ранее других грамматистов осознано и развито в трудах Потебни.

1. "Из записок по русской грамматике", т. I-22, стр. 47.

2. Там же, стр. 66.

Установив, что иногда грамматические формы "собственно для себя в данном слове не будут иметь никакого звукового обозначения", ¹ - Потебня обратил внимание, например, на особенности грамматического выражения категории вида глагола в русском языке. Он считал названную категорию всеобщей: нет ни одного глагола, который не относился бы к категории совершенности или несовершенности. Между тем, как отмечал Потебня, имеется значительное число случаев, когда глагол совершенный и несовершенный ничем не отличаются по внешности: женить, настоящее - женю (несов. вид), и женить, будущее - женю (совершенный вид) для Потебни "суть два разных глагола, различные по грамматической форме, которая в них самих, отдельно взятых, не выражен ничем." ² По мнению Потебни, вне связи не есть ни именительный, ни винительный единственного, ни родительный множественного, ибо вне связи, вне речи форма, как и все слово, не функционирует, она мертва.

Потебня понимал грамматическую форму как глубоко структурное, синтетическое явление языка. И именно такое понимание ее сущности наилучшим образом способно осветить истинную картину диалектического перехода формы в содержание и обратно - содержания в форму. Однако в понимании грамматической формы, как и в понимании отдельного слова, Потебне не удалось избежать не-

¹ "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 39.

² Там же, стр. 39.

которого налета субъективно-идеалистической индивидуализации. С его точки зрения, например, количество форм в языке определяется количеством "формальных оттенков значений". Для него "Всякое особое употребление творительного есть новый падеж, так что собственно у нас несколько падежей, обозначающих именем творительного".¹

И в данном отношении в грамматическую концепцию Потебни могут и должны быть внесены коррективы, которые уточнили бы сформулированные им понятия в соответствии с требованиями метода диалектического и исторического материализма, в частности под углом зрения диалектико-материалистического учения о единстве категорий частного и общего.

Раскрыв понятие слова, понятие грамматической формы и грамматической категории, выяснив центральное место в грамматической системе такого синтаксического понятия, как предложение, Потебня заложил прочную основу классификации частей речи, то есть тех главных лексико-грамматических разрядов языка, без которых невозможно никакое грамматическое его описание. Грамматическая концепция Потебни оказала существенное влияние на все последующие трактовки проблемы частей речи вплоть до наших дней.

Наряду с основными и ярко выраженными в морфологическом и синтаксическом отношении категориями частей речи в русском

¹ "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 34.

языке (глагол, прилагательное, наречие), Потебня допускал еще и такие промежуточные категории, как причастие и инфинитив; он был готов усматривать в смешанном облике таких промежуточных категорий намеки на первоначальный синкретизм имени и глагола. По его мнению, "причастие есть часть речи, обособленная, оставшаяся за выделением существительного и прилагательного. " ¹ Инфинитив, по определению Потебни, "есть имя в этимологическом и род глагола в синтаксическом отношении". ²

Таковы в самых кратких и общих чертах основные положения грамматической и общелингвистической теории Потебни. В его системе взглядов отмечается глубокая самобытность и оригинальность, не лишенная порою отдельных неясностей, в ней много не до конца отделанного, противоречивого, обусловленного той эпохой, когда ученый жил и творил. Одна из важных задач, встающих перед нашей современной наукой о языке, — это задача глубоко изучить и критически освоить богатейшее научное наследие выдающегося русского и украинского филолога-мыслителя, труды которого в течение последних десятилетий, к сожалению, иногда склонны недооценивать, а то и просто подвергать забвению наши языковеды.

1. "Из записок по русской грамматике", т. I-II, стр. 95.

2. Там же, стр. 372.